

Антонина Щербак

Лингвокогнитивный подход к изучению региональной ономастики

Studia Rossica Posnaniensia 33, 93-99

2006

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД
К ИЗУЧЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ ОНОМАСТИКИ

LINGUOCOGNITIVE APPROACH
IN REGIONAL ONOMASTIC RESEARCH

АНТОНИНА ЩЕРБАК

ABSTRACT. The author analyses the part of Tambov Region onomasticon – that is personal nickname-like proper names. Onomasiological types of nicknames, reason for their emergence, their connection to specific social groups and gender have been presented in the paper against the background of conceptual and linguistic picture of the world.

Антонина Щербак, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов – Россия.

Есть все основания согласиться с тем, что когнитивная лингвистика открывает перед исследователями новые возможности для решения некоторых „вечных” проблем лексикологии и предоставляет возможность для нового, несравненно более объемного и многоаспектного осмысления вопроса о соотношении языка, системы мыслительных образов и внеязыковой действительности¹.

Региональная ономастика составляет часть общего процесса называния людьми собственными именами одушевленных и неодушевленных объектов реального мира. Изучение собственных имен требует привлечения необходимой информации из таких дисциплин, как: лингвистика, философия, социология, психология, антропология, история, география, литература, юриспруденция. Так, антропологи довольно подробно изучили родство и модели брачных союзов в мире, что позволило сделать теоретические выводы о том, как люди концептуализируют сейчас и концептуализировали в разные периоды истории эти области человеческого взаимодействия. Родство и модели брачных сою-

¹ Н.Н. Б о л д ы р е в, *Когнитивная семантика*, Тамбов 2000; его же, *Концептуальное пространство когнитивной лингвистики*, „Вопросы когнитивной лингвистики” 2004, № 1; Е.С. К у б р я к о в а, *Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*, Москва 2004, с. 305–339; З.Д. П о п о в а, И.А. С т е р н и н, *Язык и национальная картина мира*, Воронеж 2002.

зов, исследованные в масштабах всего населения нашей планеты, позволяют антропологам сделать выводы о всех типах отношений как членах единой категории родства или категории брачных союзов. В обоих случаях имеет место достаточно большое количество переходных случаев. Такие случаи описаны Дж. Лакоффом в отношении слова „мать” и Ч. Филлмором в отношении слова „холостяк” для западноевропейской культуры². Построение теории родства и брачных союзов в общечеловеческом масштабе позволяет построить как таксономическую, так и прототипическую категорию данной концептуальной области.

Очевидно, то же самое можно сказать и о сфере ономастики. Однако здесь еще не существует полных описаний в глобальном масштабе. Исследователи говорят об отсутствии общей теории имен собственных, аналогичной теории родства или теории брачных союзов³. Если сравнить ученых, исследующих ономастику, с антропологами, то первые еще находятся на стадии полевых исследований и описания полученного материала. Наше исследование, ставящее своей целью построение системы принципов описания региональной ономастики и, шире, методологии такого описания, прошло этап полевого исследования и первичной систематизации⁴. Сейчас перед нами стоит задача выявления закономерностей формирования регионального ономастикона. Мы считаем очень важным слияние конкретных описаний – в нашем случае ономастикона говоров Центрального Черноземья – во все более расширяющиеся по региональному и языковому принципу описания. Интереснейшие выводы могут быть получены в отношении концептуальных и языковых картин мира различных народов и культур в ходе исследования именно региональных ономастиконов.

Поскольку наше исследование охватывает лишь часть обширной области русского ономастикона, мы ограничиваем ареал (Центральное Черноземье) и типы онимов (имена собственные личные и фамилии, прозвища, топонимы и гидронимы). Такое ограничение позволяет сделать выводы, касающиеся основных параметров концептуальной и языковой картины мира носителей русского языка данного ареала, ибо процессы номинации топологических объектов и гидрообъектов, процессы образования имен родов, то есть фамилий, и процессы образования прозвищ вовлекают многочисленные элементы картины мира русского народа, проживающего на данной территории.

² Дж. Л а к о ф ф, *Мышление в зеркале классификаторов*. В: *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. XXIII, Москва 1989, с. 38–45.

³ W. Z e l i n s k y, *Slouching Toward a Theory of Names*, “A Tentative Taxonomic Fix” 2002, nr 50, vol. 4, с. 243–246.

⁴ Л.И. Д м и т р и е в а, А.С. Щ е р б а к, *Фамилии Тамбовской области. Словарь-справочник: в 8 выпусках*, вып. 1, Тамбов 1998; вып. 2, 3, Тамбов 1999; вып. 4, 5, Тамбов 2000; вып. 6, Тамбов 2001; вып. 7, Тамбов 2002; вып. 8, Тамбов 2003; они же, *Нестандартные фамилии Тамбовской области*, Санкт-Петербург 2004.

Однако, чтобы выводы, полученные в результате исследования региональной ономастики, могли носить как общерегиональный, так и национальный характер, прежде всего, необходимо обращение к единой таксономической классификации имен собственных. Такая классификация позволит описать „инвентарь” всего, что люди используют как имена собственные. Только полный инвентарь позволит говорить о единых теоретических принципах. Конечно, созданный априорно список возможных ономастических таксонов не может быть заполнен одним или даже несколькими исследователями даже в пределах одного национального языка, однако это задача, имеющая обозримые границы и позволяющая двигаться дальше в теоретическом плане.

В современной зарубежной литературе по ономастике существуют более и менее детализированные таксономические классификации онимов⁵.

На основании анализа лингвистического материала, извлекаемого из регионального ономастикона Тамбовской области, и в результате наблюдений над ономастикой других регионов мы можем выявить следующее.

1. Прозвища с точки зрения их мотивации и прикрепленности к определенным апелляциям делятся на **отфамильные**, **отыменные**, **визуальные** (данные по внешнему виду), **ментальные** (данные по чертам характера, манере поведения), **ситуативные** (данные по какому-либо событию, каким-либо пристрастиям), **профессиональные** (данные по роду занятий). Это основные группы прозвищ по их семантике. Как и принято в русской ономастической традиции, большую часть составляют те прозвища, которые квалифицируются как визуальные, ментальные и ситуативные.

Однако не меньшую значимость имеют отфамильные и отыменные прозвища, доля которых среди проанализированных проприальных номинаций, бытующих на территории Тамбовской области, велика, как показало исследование. Эти прозвища распространены в основном в молодежной, особенно школьной, среде.

2. Ассоциации, которые положены в основу вторичной номинации, зависят от опыта, который имеется в когнитивных как русского народа в целом, так и жителей определенных ареалов. Выявлено, что прозвищ, которые можно отнести к так называемым традиционным на территории Тамбовской области, незначительное количество. В основном прозвища носят так называемый креативный характер, который, как показал материал, варьируется в зависимости от возраста и социальных групп. Отмечено, что наивысшая степень креативности имеет место в молодежной, особенно школьной, среде как в городе, так и в сельской местности. Эта креативность при проприальной номинации, возможно, заменяет порой опыт, который у молодежи, в силу возраста, еще недостаточен.

⁵ G.R. Stewart, E. Pulgram, *Name (in Linguistics)*. В: *Encyclopedia Britannica*, vol. 15, Chicago 1971, с. 1156–1163.

3. Причина появления прозвищ также различна у взрослого населения и у молодежи. Если взрослое население дает вторичное именование человеку с целью выделения кого-либо, его идентификации, то в молодежной, особенно в школьной, среде, как указывает один их информаторов, „без прозвища нельзя”. Прозвища, таким образом, примыкают к молодежному либо школьному сленгу, появляющемуся вместе с желанием оградить свой мир от взрослых, что в принципе не противоречит основным нормам функционирования языка как средства общения.

4. В прозвищах отражается отношение их „творцов” к тем, кому эти прозвища даются. Это отношение выявляется как эксплицитным, так и имплицитным путем. Использование в проприальной номинации разного рода аффиксов, в большей степени это касается суффиксов, дает яркую картину позитивной / негативной оценки человека на основе тех значений, которые имеют данные аффиксы в системе русского языка.

Кроме того, помогают выявить отношение тех, кто дает прозвища к тем, которые их получают, семы, входящие в состав семной организации того или иного апеллятива, имеющего соотносительность с тем или иным прозвищем.

Не меньшую важность для выяснения подобного отношения приобретает гендерный фактор, который проявляется в следующем моменте: прозвище, оформленное грамматически как мужское, дается представительнице женского пола, и наоборот.

5. Выяснено, что мужские прозвища в визуальной, ментальной, ситуативной и профессиональной группах превалируют над женскими. Только в отфамильных и отыменных прозвищах количество мужских и женских прозвищ несколько изменяют это соотношение, снижает приоритет первых. Следует отметить большую экспрессивность тех прозвищ, которые получают женщины, причем эта экспрессивность носит зачастую негативную окраску.

6. Путем анализа мотивов, представленных информаторами, имелась возможность уточнить и то, как воспринимают свои прозвища те, которые их получили. Естественно, сама оформленность прозвища некоторыми суффиксами негативной или позитивной окраски, гендерный фактор, имплицитно содержащиеся семы в семной структуре, узнаваемые ввиду наличия некоторого культурно-исторического опыта и т.п. – все это способствует появлению определенного отношения прозвищеносителей к своим вторичным именованиям.

7. Восприятие разными людьми одного и того же человека может быть субъективным, поэтому у одного и того же человека могут быть два, иногда три и больше прозвищ.

Подобное отмечено в прозвищах, бытующих чаще всего в так называемых социально ограниченных коллективах: школе, институте, детском доме, семье. Именно поэтому были проанализированы „семейные” прозвища, которые обнаружены в подобных социокolleктивах.

8. На уровне прозвищ без четкого знания мотивации невозможно определить, к какой группе они относятся, т.к. возможно появление так называемых „омонимичных” пар. Например, прозвище *Блоха* может генетически восходить к фамильной антрополоксемме *Блохин / Блохина* либо к традиционному прозвищу маленького, черноволосого, юркого, быстрого человека.

9. Прозвища, бытующие на территории Тамбовской области, предоставили материал, давший возможность говорить о так называемых наследственных прозвищах, которые также не отличаются однородностью в зависимости от той линии, по которой они передаются. Следует отметить, что среди имевшихся в распоряжении подобного рода прозвищ, большинство из них (за очень редким исключением!) передаются по мужской линии.

10. Материал, проанализированный в данной работе, дал возможность выявить (но не решить, ибо для этого нужны специальные исследования) существование следующих проблем: „Почему женских прозвищ меньше, чем мужских? Почему женские прозвища более экспрессивны? Почему многие свойства человека остаются вне зоны проприальной номинации? Связано ли это как-нибудь с нормами этики?”.

В диалектной картине мира при рассмотрении ее ономастического воплощения значимыми являются два фактора. Первый фактор – это специфика диалектной картины мира в чисто структурном отношении как ономастического микрокосма, и именно этот фактор будет определять то обстоятельство, что диалектная ономастическая система будет иметь одни и те же или близкие свойства в разных диалектах одного и того же языка. Второй фактор – это состав ономастической системы конкретного диалекта, который определяется количеством диалектных единиц, использованных при образовании онимов или имеющих связь с ними, количеством иноязычных онимов субстратного или адстратного происхождения, а также количеством проявлений локальной истории или местной формы духовной культуры в ономастиконе.

Таким образом, когнитивный подход дает исследователю ключ к проблеме системы значений слова в ее пространственной и временной динамике. Как система значений слова в реально существующих вариантах языка, представляющая весьма сложный объект для лексикологического и лексикографического описания, так и диапазон потенциальных значений слова, который остается пока вообще вне достижения лексикологии и лексикографии, в представлениях когнитивной лингвистики оказываются объектами, которые порождаются объективно существующими отношениями между концептами и единицами языка.

Во множестве заполненных и незаполненных фреймов, составляющих значения слова, записывается не только содержательная информация, соотносительная с компонентами значения слова, но и информация о нормах и закономерностях употребления того или иного слова. Разнообразная языковая и мыслительная информация размещается в семантической структуре производных слов, связи которых с единицами мыслительной сферы явля-

ются гораздо более разносторонними – ведь производное слово поддерживает отношения со всеми лексическими единицами, имеющими те же словообразовательные элементы, а многозначность словообразовательных элементов обогащает эту картину новым содержанием.

Структурированность концепта, о которой говорят в последние годы многие лингвисты⁶, позволяет авторам, пишущим на интересующие нас темы, выделить четыре элемента структуры концепта имени собственного – уникальный, национальный, групповой и личностный⁷.

Если последние три элемента структуры имени собственного как концепта определены с позиции языковой и культурной компетенции его носителя, то статус „уникального” в вышеприведенном ряду нам кажется не вполне ясным. Вместе с этим мы полагаем, что в структуре концепта есть еще один важный элемент, некое общее свойство имени собственного. Это потенциальный элемент, представляющий собой как бы открытую культурную валентность в семантике онима или незаполненный фрейм для „новой” информации, которая может быть заложена в семантику данного онима в любой момент.

Так, деревня Клушинов в Гжатском районе Смоленской области была неизвестна подавляющему большинству жителей СССР до 12 апреля 1961 года, дня полета в космос Юрия Гагарина, уроженца этой деревни, а название северно-осетинского городка Беслан не привлекало к себе особого внимания до драматических событий начала сентября 2004 года, связанных с захватом террористами школы в этом городе.

Концептуальность имени собственного предполагает не только наличие реального и потенциального содержания у имени собственного, но и возможности применения данного имени собственного, какие предоставляются в распоряжение всех пользователей языка и основываются на лингвистических и экстралингвистических знаниях, которыми располагают пользователи языка⁸.

Развивая эти мысли, можно отметить, что экстралингвистические знания пользователей языка о топонимах и обозначаемых ими объектах включают сведения о времени основания, времени переименования или изменения административного статуса или территориальной принадлежности объектов, отражения названия объекта в материалах экспедиций, средствах массовой информации в связи с какими-либо событиями и т.п. Пополнение этих сведений может осуществляться как на счет постепенного накопления новой инфор-

⁶ Ю.С. С т е п а н о в, *Константы. Словарь русской культуры*, Москва 1997, с. 288 и сл.; В.А. М а с л о в а, *Введение в лингвокультурологию*, Москва 1997, с. 69 и др.

⁷ Л и И н ь и н, *Русская и китайская ойконимия в сопоставительном освещении*, дис. ...канд. филол. наук, Волгоград 2002, с. 23–24.

⁸ М.В. Г о л о м и д о в а, *Искусственная номинация в русской ономастике*, автореф. дис. ...докт. филол. наук, Екатеринбург 1998, с. 58.

магии, что осуществляется само по себе с течением времени и представляет собой естественный процесс в направлении от настоящего к будущему, так и в результате исследований историков и краеведов, которые обогащают знания об объекте и ассоциации с его именем знаниями, распространяющимися по линии от настоящего к прошлому. Бытийные ценности, входящие в содержательную структуру онимов, подразделяются на естественно-природные, формальные, познавательные, потребительные, сакральные, эстетические, исторические⁹.

В принципе нам кажется возможным трактовать любой номинационный акт как взаимодействие двух концептов разных групп – той, к которой относится концепт номинируемого объекта, и той, к которой принадлежит концепт-источник онима. Вместе с тем нам не кажется перспективной та позиция в когнитивно-лингвистическом изучении региональной ономастики, согласно которой в концептосферах разных языков (и уж тем более в региональных вариантах одного языка) присутствуют разные наборы концептов¹⁰.

Наборы концептов родственных языков, диалектов одного языка, диалектов и говоров одного наречия исторически и системно обречены на то, чтобы быть в гораздо большей степени более сходными, нежели различными. Деятельностный и языковой опыт людей, характеризующихся примерно одинаковым уровнем развития хозяйства, единством культуры, универсальной распространенностью средств массовой информации и массовой коммуникации, неизбежно преодолевает региональные различия. Более того, именно диалектологи, представители того раздела языкознания, который тесно связан с историей национального языка и сравнительно-исторической грамматикой и лексикологией родственных языков, должны будут согласиться с тем, что региональные различия в лексике и концептосферах постепенно подвергаются нивелированию.

Таким образом, структурная и качественная динамика регионального антропонимикона (личные имена и прозвища) непосредственно связана с глобализационными процессами на общегосударственном уровне, что находит свое выражение в утрате семейных прозвищ, смещении прозвищ в молодежную среду или иные социальные среды и удержании прозвищ как альтернативных имен – аллоантропонимов в этих средах, в стандартизации антропонимикона в части личных имен, повсеместном распространении фамильных имен с нехристианской конфессиональной отнесенностью, внерегиональным характером приоритетов в выборе личных имен.

⁹ Там же, с. 45; Ли И н ъ и н, указ. соч., с. 24.

¹⁰ М.Ф. П а н к и н а, *Семантическое пространство языка и подходы к его изучению*, „Вопросы когнитивной лингвистики” 2004, № 1, с. 148.